УДК 351.74(47+571)(091)
JEL: N43
EDN: UDOJWC

Оригинальная научная статья
ВАК 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ФИЛЕРОВ В СИСТЕМЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НАЧАЛО XX ВЕКА)

Александр Егорович Епифанов

Научно-исследовательский центр федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Россия, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, e-mail: mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000- 0002-5686-5770, AuthorID: 318625

Аннотация. **Введение.** Статья направлена на исследование института профессиональной подготовки филеров как самостоятельного элемента кадровой политики Министерства внутренних дел Российской империи в начале XX века. В центре внимания находятся организационные принципы формирования наблюдательной службы, механизмы ведомственного обучения, а также структура профессиональных навыков, обеспечивавших эффективность наружного наблюдения.

Методы. Эмпирическую основу исследования составляют нормативные и служебные материалы дореволюционного периода, включая учебные программы ведомственного характера и практику организационного регулирования наблюдательной деятельности. Обращение к указанным документам позволяет выявить закономерности формирования профессиональных требований к сотрудникам наружного наблюдения и реконструировать институциональную логику ведомственной педагогики.

Результаты. В ходе исследования установлено, что подготовка филеров представляла собой системно организованный и поэтапный процесс, ориентированный на формирование устойчивых когнитивных и поведенческих компетенций. Ведомственная модель обучения предполагала развитие зрительной памяти, стандартизацию процедур фиксации наблюдаемых признаков, выработку навыков распознавания идентификационных характеристик, а также освоение тактически адаптивных и конспиративных моделей служебного поведения.

Обсуждение. Полученные результаты позволяют рассматривать подготовку филеров не только как прикладной аспект полицейской практики, но и как механизм управления профессиональным восприятием и аналитическим мышлением сотрудников наблюдательной службы.

Ключевые слова: филеры, наружное наблюдение, Министерство внутренних дел, Российская империя, полицейская служба, профессиональная подготовка, охранные отделения.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Епифанов А.Е. Из опыта подготовки филеров в системе Министерства внутренних дел Российской империи (начало XX века) // Государственное управление и право. 2026. № 2(10). С. 138-146. EDN: UDOJWC

© Епифанов А.Е., 2026

UDC 351.74(47+571)(091)
JEL: N43
EDN: UDOJWC

Original scientific article
HAC 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

FROM THE EXPERIENCE OF PREPARING FILLERS IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN IMPERIUM (EARLY XX CENTURY)

Aleksandr E. Epifanov

Research Center of the Federal State Public Educational Establishment of Higher Education «Order of the Red Banner of Labor Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation», Russia, 125993, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskiy str., 8, e-mail: mvd_djaty@mail.ru, https://orcid. org/0000-0002-5686-5770, AuthorID: 318625

Annotation. **Introduction.** The article is devoted to the study of the institution of professional training of surveillance agents (filers) as an independent element of personnel policy within the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the early twentieth century. Particular attention is paid to the organizational principles underlying the formation of the surveillance service, the mechanisms of departmental instruction, and the structure of professional skills ensuring the effectiveness of covert observation.

Methods. The empirical basis of the research is formed by regulatory and official materials of the pre-revolutionary period, including departmental training programs and documents reflecting the practice of organizing surveillance activities. The examination of these sources makes it possible to identify the patterns governing the development of professional requirements imposed on surveillance personnel and to reconstruct the institutional logic of departmental pedagogy.

Results. The study establishes that the training of surveillance agents constituted a systematically organized and multi-stage process aimed at the formation of stable cognitive and behavioral competencies. The instructional model emphasized the development of visual memory, the standardization of descriptive procedures, the acquisition of skills related to the recognition of identifying features, and the mastery of tactically adaptive and covert modes of professional conduct.

Discussion. The findings allow professional training to be interpreted not merely as a practical component of police activity but also as a mechanism for structuring professional perception and analytical thinking within the surveillance service.

Keywords: surveillance agents, covert surveillance, Ministry of Internal Affairs, Russian Empire, police training, professional competencies, security departments.

Financing information: this study was carried out without external funding.

For citation: Epifanov, A.E. (2026). From the experience of preparing fillers in the system of the Ministry of internal affairs of the Russian imperium (early XX century). Public administration and law, 2(10), 138-146. EDN: UDOJWC

Введение

Проблематика профессиональной подготовки сотрудников полиции традиционно рассматривается преимущественно применительно к современному этапу развития правоохранительных органов. Между тем обращение к историческому опыту позволяет выявить устойчивые закономерности формирования служебных навыков, механизмов кадрового отбора и организационных принципов ведомственного обучения [9, с. 140]. В данном контексте особое значение приобретает практика подготовки филеров в системе Министерства внутренних дел Российской империи, поскольку деятельность данной категории сотрудников была непосредственно связана с реализацией наружного наблюдения – одной из наиболее сложных форм полицейской работы.

Эффективность наружного наблюдения во многом определялась не только организацией службы, но и уровнем профессиональной подготовленности сотрудников, их способностью к точному восприятию обстановки, распознаванию примет, конспиративному поведению и аналитической оценке получаемых сведений. В этих условиях формирование системы обучения филеров выступало в качестве самостоятельной управленческой задачи, отражавшей более широкие процессы рационализации полицейской деятельности и развития кадровых технологий в структуре МВД Российской империи [8, с. 182].

В историко-правовой литературе деятельность Министерства внутренних дел Российской империи получила достаточно широкое освещение. Фундаментальные труды дореволюционных исследователей, прежде всего Н.Н. Варадинова [2] и С.А. Андрианова [1], сформировали основу для понимания организационного устройства ведомства, его функций и места в системе государственного управления. Вместе с тем вопросы служебных технологий оперативного характера, включая подготовку сотрудников наружного наблюдения, в ука-

© Epifanov A.E., 2026

занных работах не становились предметом специального анализа.

В последующий период отдельные аспекты полицейской деятельности дореволюционной России рассматривались в рамках исследований, посвящённых истории оперативно-розыскной деятельности и становлению методов розыска. Так, С.Н. Жаров анализирует эволюцию оперативно-розыскных форм и правовых механизмов соответствующей деятельности [4], а В.М. Колдаев обращается к проблемам развития практической криминалистики и внедрения научных методов в розыскную работу [5]. Существенное значение имеют и современные исследования, в частности работа А.Е. Епифанова, раскрывающая организационные и функциональные особенности деятельности общей полиции Российской империи [3].

При этом проблема профессиональной подготовки филеров как специализированной категории сотрудников дореволюционной полиции в научной литературе сохраняет фрагментарный характер. Сложившиеся исследовательские подходы преимущественно сосредоточены на институциональной истории политического розыска и организационном устройстве полицейских структур, тогда как механизмы формирования профессиональных компетенций сотрудников наружного наблюдения редко становятся предметом самостоятельного анализа. Обращение к комплексу ведомственных материалов прикладного характера, включая учебные программы и служебную практику, позволяет выявить не только содержание подготовки, но и закономерности конструирования профессиональных требований, а также институциональную логику формирования служебных навыков наблюдательных агентов [10, с. 201].

Цель и задачи исследования

Целью настоящего исследования является выявление организационно-педагогической модели подготовки филеров в системе Министерства внутренних дел Российской империи, а также характеристика структуры формируемых служебных навыков и профессиональных компетенций.

Для достижения поставленной цели в рамках исследования были сформулированы следующие задачи:

анализ организационных принципов подготовки филеров в структуре Министерства внутренних дел Российской империи;

выявление особенностей кадрового отбора агентов наружного наблюдения;

характеристика содержания ведомственного обучения и используемых педагогических приёмов;

определение структуры служебных навыков, формируемых в процессе подготовки;

исследование профессиональных компетенций филера как специализированного субъекта полицейской деятельности;

оценка функционального значения системы подготовки филеров в механизме полицейского управления.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляют исторический, формально-юридический и системный методы. Исторический метод позволил рассмотреть подготовку филеров в контексте эволюции полицейских институтов и кадровых практик дореволюционного периода.

Формально-юридический метод использовался при исследовании нормативных и ведомственных регуляторов, определявших содержание профессиональной подготовки и порядок организации наружного наблюдения.

Системный метод обеспечил возможность анализа подготовки филеров как элемента функционального механизма полицейской деятельности, связанного с кадровой политикой и информационным обеспечением службы.

Результаты исследования и их обсуждение

В начале XX века в структуре Министерства внутренних дел Российской империи сформировалась специализированная категория сотрудников наружного наблюдения – филеры, чья служебная деятельность была функционально ориентирована на систематическое получение, проверку и аналитическую обработку информации о поведении лиц, представлявших оперативный интерес [11, с. 102]. В отличие от сотрудников общей полицейской службы, филеры осуществляли преимущественно негласные формы визуального контроля, предполагающие длительное и непрерывное сопровождение наблюдаемого в различных пространственных и социальных условиях [4, с. 87].

Функциональное значение филеров в системе полицейской деятельности Российской империи наиболее отчётливо проявляется при анализе соотношения наружного наблюдения и внутренней агентуры в структуре политического розыска. В ведомственных материалах прямо указывалось, что при охране «существующего государственного и общественного порядка» Департамент полиции использовал, с одной стороны, «внутреннюю агентуру», а с другой – «наружное наблюдение». При этом подчёркивалось, что «наиболее ценные сведения доставлялись Департаменту именно “внутренним” наблюдением» [12, с. 294].

Именно наружное наблюдение позволяло во многих случаях достигать «весьма успешных результатов»: «раскрывались опаснейшие предприятия революционных кружков, накрывались тайные типографии, захватывались транспорты революционной литературы» [6, с. 195]. Характерно, что эффективность наблюдения прямо связы-

валась с «умственным развитием агентов наружного наблюдения» и «серьёзной теоретической и практической их подготовкой» [13, с. 55].

Организационная значимость службы филеров подтверждается и практикой формирования летучих отрядов наблюдательных агентов. Уже в 1894 году был поставлен вопрос о сформировании при Московском охранном отделении «летучего отряда наблюдательных агентов», первоначально в числе 30 человек. Деятельность отряда была признана результативной, вследствие чего его состав был увеличен, а на содержание стало отпускаться 31 800 рублей. Примечательно, что даже при наличии организационных трудностей, связанных с провалами и конфликтами с местными властями, необходимость подобных подразделений обосновывалась потребностью в «опытных и никому не известных» агентах наблюдения [6, с. 196].

Осознание ограниченности исключительно инструктивного регулирования наружного наблюдения и выявленные в практике организационные затруднения обусловили необходимость перехода к более системной модели подготовки сотрудников. В ведомственных материалах прямо указывалось на наличие у агентов наружного наблюдения «довольно многих существенных недостатков», что делало недостаточным простое доведение до них служебных инструкций. В этой связи Департамент полиции «признавал необходимым озаботиться серьёзным обучением и воспитанием филеров».

Подобная постановка вопроса свидетельствует о формировании в структуре политического розыска самостоятельного управленческого направления, связанного с профессионализацией наблюдательной службы. Характерно, что в служебных документах подчёркивалась необходимость формирования у сотрудников способности выходить за пределы механических приёмов наблюдения [7, с. 43]. Именно этим объясняется появление идеи специализированной «школы филеров», поднимавшейся в период реформирования полицейской системы.

В ведомственной переписке и служебных сообщениях данная проблема получает предельно конкретное выражение. Циркулярные указания ориентировали руководителей на выработку таких подходов к обучению, при которых филеры «не ограничивались рутинными приёмами неотступного наблюдения». Тем самым рутинность прямо фиксировалась как системный дефект служебной практики. В противовес этому формулировался запрос на подготовку «настоящих филеров», способных, «пользуясь тонкими нитями наружного наблюдения», действовать гибко и ситуативно.

Реализация указанных установок на практике наиболее последовательно представлена в докладах руководителей охранных отделений. Значимое место среди них занимает сообщение начальника Московского охранного отделения фон Коттена, фактически описывающее модель ведомственной педагогики в сфере наружного наблюдения [6, с. 399]. Подготовка сотрудников строилась как поэтапный процесс, включавший отбор, теоретическое и практическое обучение. При этом сам руководитель подчёркивал, что обучение не носило жёстко формализованного характера: «комнатное обучение чередовалось с практическим», а переход к отдельным вопросам осуществлялся «естественным путём, по мере встречи на практике того или иного вопроса».

Указанная формулировка отражает важный педагогический принцип, выходящий за рамки простого заучивания инструкций. Подготовка ориентировалась на постепенное усложнение профессиональных задач и адаптацию обучения к служебной реальности. В этом смысле «Школа филеров» выступает не как формальное учебное подразделение, а как механизм формирования профессиональной компетентности через сочетание стандартизации и практической тренировки [5, с. 112].

Существенное значение в данной модели придавалось формированию когнитивной дисциплины наблюдения. Фон Коттен подчёркивал необходимость строгого порядка фиксации примет, требуя устранения «беспорядочного изложения». Примечательно, что обучение строилось вокруг достижения «однообразия в оценке отдельных примет», что свидетельствует о стремлении ведомства минимизировать субъективные искажения восприятия. Тем самым наблюдение приобретало характер стандартизируемой информационной процедуры.

Не менее показательной является и организация практической подготовки. Обучаемые систематически сталкивались с ситуациями, моделирующими реальные попытки «сбрасывания наблюдения». В результате наблюдение рассматривалось как процесс, требующий постоянной поведенческой адаптации. Сам характер обучения демонстрирует понимание служебной деятельности как динамической, в которой эффективность определяется не только следованием инструкциям, но и способностью сотрудника к ситуативной импровизации.

Стоит отдельно уделить внимание и системе «комнатного обучения», представлявшее собой, по существу, тренировку профессионального восприятия. Фон Коттен подчёркивал, что теоретическое обучение начиналось с «заучивания того порядка, в котором мною требовалось изложение примет» [6, с. 399]. Причины вве-

дения строгой регламентации он формулирует предельно прагматично, указывая на необходимость устранения «беспорядочного изложения примет». Приводимый им пример подобного описания – «шатен, в резиновой накидке, среднего роста, с бородой...» – иллюстрирует проблему несистемной фиксации наблюдаемых характеристик, затруднявшей сопоставление служебной информации.

В противовес этому вводилась чёткая последовательность: «пол, возраст, рост, телосложение, цвет волос, национальность». Существенное значение имеет сама логика данной схемы. Она задаёт не только порядок описания, но и приоритет признаков, фиксируя переход от общих характеристик к детализации физических особенностей. В дальнейшем требовалось описание «сверху вниз», включая «лоб, брови, глаза, нос, усы, подбородок», а затем признаки одежды. Подобная практика свидетельствует о формировании единых стандартов наблюдения.

Практический интерес представляет и то, какое внимание уделялось терминологической унификации. Фон Коттен прямо указывал, что «не допускал употребления слов» вариативного характера, требуя обозначения цвета волос исключительно словами «брюнет, шатен, блондин, рыжий». Аналогичным образом стандартизировались характеристики роста. Эта практика демонстрирует стремление ведомства минимизировать вариативность служебных описаний и обеспечить единообразие фиксации сведений. Фактически речь идёт о ранней форме нормализации профессионального языка наблюдения [6, с. 201].

Методика обучения включала систематические упражнения, направленные на выработку однообразия восприятия. Обучаемые письменно описывали приметы коллег, после чего руководитель «добивался однообразия в оценке отдельных примет». Характерно, что сама цель обучения формулируется как достижение ситуации, при которой все обучаемые обозначали признаки «именно этими терминами, а не называли его тёмным блондином». Это указывает на выработку согласованных принципов оценки наблюдаемых характеристик.

Важнейшим компонентом подготовки становилось обучение так называемому «взятию по приметам». Данный приём предполагал реконструкцию образа лица исключительно на основе описательных характеристик. Фон Коттен указывал, что на первоначальном этапе «дело подвигалось слабо», однако «через пять-шесть занятий некоторые из обучаемых стали безошибочно определять лицо». Эта динамика демонстрирует, что обучение ориентировалось не на механическое запоминание, а на формирование устойчивых навыков аналитического сопоставления признаков.

Существенную роль в процессе подготовки играли визуальные пособия. Для облегчения усвоения изготавливались «таблицы с характерными носами и ушами», а также схемы форм одежды. Применение подобных материалов свидетельствует о развитом понимании визуальной природы наблюдения и необходимости формирования у сотрудников способности к быстрому распознаванию признаков. В условиях наружного наблюдения, где восприятие носит кратковременный и динамический характер, подобные навыки приобретали особую значимость.

Анализ представленных педагогических приёмов позволяет установить, что «комнатное обучение» выполняло функции стандартизации профессионального восприятия. Оно обеспечивало унификацию служебного языка, дисциплинировало процедуры фиксации сведений и формировало устойчивые когнитивные алгоритмы наблюдения. Тем самым подготовка филеров выходила за рамки освоения отдельных приёмов и приобретала характер системного формирования профессиональной компетентности.

Практическая подготовка в системе обучения филеров занимала не менее значимое место, чем «комнатное обучение», и рассматривалась руководителями охранных отделений как ключевой механизм формирования профессиональной пригодности сотрудников. В ведомственных сообщениях подчёркивалось, что наблюдение представляет собой деятельность, эффективность которой определяется не столько знанием инструкций, сколько способностью действовать в изменяющейся обстановке.

Фон Коттен характеризовал процесс практического обучения как последовательное усложнение условий служебной деятельности. На первоначальном этапе обучаемые направлялись «наблюдать за мною или за кем-либо из опытных филеров», при этом последнему «внушалось первое время ходить спокойно по улицам», выполняя лишь отдельные «проверки». Уже данная формулировка демонстрирует педагогическую логику подготовки: обучение строилось от относительно стабильных ситуаций к моделированию тактически напряжённых сценариев [6, с. 213].

Заслуживает внимания и содержание самих «проверок». Под ними понимались «внезапные повороты в обратную сторону, остановки за углами и т. п.». Подобные действия фактически воспроизводили типовые приёмы контрнаблюдения, используемые наблюдаемыми лицами. Тем самым обучаемые с первых этапов подготовки приучались воспринимать наблюдение как процесс противодействия, в котором объект может активно стремиться к выявлению

слежки.

В дальнейшем условия подготовки намеренно усложнялись. Наблюдаемому предписывалось «замешиваться в толпу, переходить с конки на конку, ездить на пароходах, пользоваться проходными дворами». Характерно, что данные действия описываются именно как приёмы «сбрасывания наблюдения». Это обстоятельство позволяет сделать важный вывод: обучение ориентировалось не на линейное сопровождение объекта, а на выработку устойчивых поведенческих реакций в ситуации тактической неопределённости.

Существенным элементом подготовки являлся анализ служебных действий. Фон Коттен подчёркивал, что при «вечерних докладах», которые он «принимал всегда лично», обучаемым разъяснялось, «правильно ли они поступили в том или ином случае». Подобная практика свидетельствует о формировании механизма постоянной коррекции профессионального поведения. Доклады выступали не формальной отчётностью, а инструментом педагогического контроля и передачи служебного опыта.

Практический интерес представляет и содержание обсуждаемых на докладах вопросов. Обучаемым разъяснялись «признаки, по которым можно было догадываться о месте жительства наблюдаемого», способы определения характера встреч – «случайная ли встреча произошла у него, или заранее условленная», а также оценка физических характеристик предметов – «тяжёл ли сверток… или лёгок». Эти положения демонстрируют, что наблюдение рассматривалось как процесс аналитической интерпретации повседневных ситуаций.

Наряду с обучающими процедурами функционировала система служебного контроля. Ведомственные материалы фиксируют практику «проверки наблюдения на постах лично» руководителем, а также «наблюдение старых филеров за молодыми без ведома последних». Подобные меры обеспечивали не только оценку профессиональной пригодности сотрудников, но и дисциплинировали их поведение. Одновременно контроль распространялся и на финансовую сторону службы, включая проверку «представляемых счетов».

Подготовка филеров как главных субъектов наружного наблюдения рассматривалась Департаментом полиции в более широком контексте формирования всей наблюдательной инфраструктуры. В указанной системе существенное место занимали полицейские надзиратели, чья деятельность носила вспомогательный, но функционально значимый характер, обеспечивая информационное сопровождение наблюдения.

В служебных сообщениях прямо подчёркивалось, что обучение данной категории сотрудников «гораздо сложнее и требует значительно большего времени, чем обучение филеров». Подобная оценка представляется закономерной. Если деятельность филера была преимущественно ориентирована на визуальное сопровождение объекта, то надзиратель выполнял задачи, связанные с получением латентной информации в бытовой и социальной среде.

Ведомственные материалы фиксируют, что после прохождения первоначального курса подготовки надзиратели в качестве испытания направлялись «навести две-три справки в качестве частного лица», причём предварительно обязаны были доложить, «каким способом они предполагают узнать требуемое сведение». Уже сама данная процедура свидетельствует об особой аналитической направленности подготовки [3, с. 61].

Содержание служебных задач надзирателя отличалось значительной сложностью. Ему предписывалось устанавливать цель приезда наблюдаемого, источники его корреспонденции, характер контактов, поведенческие привычки. Подобный перечень демонстрирует, что наблюдение в данной форме приобретало характер поведенческого анализа, ориентированного на выявление скрытых характеристик личности.

Важное значение в ведомственной регламентации придавалось вопросам взаимодействия с социальной средой. Надзирателям рекомендовалось «поставить дело так, чтобы прислуга сама сообщала им о всём, заслуживающем внимания». Тем самым служебная эффективность напрямую связывалась со способностью сотрудника устанавливать устойчивые коммуникационные связи.

Наиболее показательным в аналитическом отношении является описание функционального противоречия между административным контролем и информационными задачами службы. В ведомственных материалах сопоставляются две модели поведения надзирателя. Первый «стал требовать точной прописки», вследствие чего сотрудники гостиниц «не разевали ртов». Второй, напротив, демонстрировал установку на доверительное взаимодействие, в результате чего «ему говорят всё и о всех».

Данный фрагмент представляет научную ценность. Он фиксирует управленческую дилемму, сохраняющую актуальность и в современных условиях: жёсткий административный контроль способен снижать уровень информационной открытости среды, тогда как мягкие модели взаимодействия повышают вероятность получения сведений. В служебной интерпретации это противоречие выражено в форме практического вопроса: «Который из них полезнее?».

Ведомственные материалы содержат

и прямые указания на значение поведенческих качеств сотрудников. Подчёркивается необходимость подбора лиц «честных, неподкупных, старательных, расторопных». Одновременно фиксируются объективные организационные ограничения, прежде всего материального характера. Надзиратель с жалованьем «49 рублей в месяц» характеризуется как «жалкое существо», что прямо связывается с риском снижения служебной эффективности. Данный аспект демонстрирует понимание кадровой устойчивости службы как фактора функциональной результативности наблюдения.

В совокупности анализ подготовки полицейских надзирателей позволяет установить, что наружное наблюдение в структуре МВД Российской империи представляло собой сложный информационный механизм, в котором визуальный контроль сочетался с аналитической обработкой латентных сведений. Подготовка сотрудников ориентировалась на формирование не только наблюдательных навыков, но и способности к социальному взаимодействию, интерпретации поведенческих признаков и ситуативной адаптации служебного поведения.

Выводы

Проведённое исследование позволяет рассматривать подготовку филеров в системе Министерства внутренних дел Российской империи как самостоятельный организационно-педагогический механизм, обеспечивавший профессионализацию наружного наблюдения. Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что обучение агентов наблюдения не ограничивалось освоением отдельных служебных приёмов, а представляло собой комплексную модель формирования профессиональной компетентности, включавшую кадровый отбор, стандартизацию процедур восприятия, развитие наблюдательных навыков и выработку тактического поведения.

Наружное наблюдение в рассматриваемый период выступало не только инструментом визуального контроля, но и значимым элементом информационного обеспечения политического розыска. Эффективность данной деятельности напрямую связывалась с уровнем подготовки сотрудников, что обусловило постепенный переход от преимущественно инструктивного регулирования к более системной модели ведомственного обучения. Анализ педагогических практик, включая «комнатное обучение» и поэтапную практическую подготовку, позволяет говорить о формировании ранних технологий стандартизации служебного восприятия и унификации процедур фиксации информации.

Особого внимания заслуживает ориентация ведомственной практики на преодоление рутинных форм наблюдения. Служебные установки фиксировали необходимость подготовки сотрудников, способных действовать в изменяющихся условиях, что отражает институционализацию требований к тактической адаптивности и ситуативной оценке обстановки. В данном контексте наблюдение рассматривалось как деятельность, требующая не только дисциплины, но и развитых аналитических способностей.

Рассмотрение подготовки полицейских надзирателей позволяет выявить более широкие закономерности функционирования механизма наружного наблюдения. Получение латентной информации связывалось с особенностями взаимодействия с социальной средой, коммуникативными стратегиями и уровнем профессиональной гибкости сотрудников. Анализ служебной практики указывает на наличие функционального противоречия между административно-контрольными и информационными задачами наблюдательной деятельности.

Научная новизна исследования определяется тем, что подготовка филеров рассматривается не как вспомогательный аспект истории политического розыска, а как самостоятельный элемент кадровой политики и организационного механизма Министерства внутренних дел Российской империи. В работе обосновано положение о когнитивной природе наружного наблюдения, выявлены ранние формы стандартизации профессионального восприятия и показана роль ведомственного обучения в формировании служебных компетенций сотрудников.

Полученные результаты расширяют научные представления о развитии кадровых технологий дореволюционной полиции, эволюции профессиональной подготовки сотрудников наружного наблюдения и закономерностях формирования информационных механизмов полицейской деятельности. Обращение к подобным практикам способствует более глубокому пониманию институциональной логики развития правоохранительных систем и преемственности профессиональных требований к сотрудникам наблюдательных служб.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрианов С.А. Министерство внутренних дел: исторический очерк (1802-1902). Санкт-Петербург, 1902. 225 с.

2. Варадинов Н.Н. История Министерства внутренних дел. Часть 1. Санкт-Петербург, 1858. 312 с.

3. Епифанов А.Е. Из истории организации и деятельности общей полиции Российской империи на рубеже XIX-XX вв. (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 59-64.

4. Жаров С.Н. История оперативно-розыскной деятельности и её правового регулирования в России (XI – начало XX вв.): монография. Челябинск: Издательство Татьяны Лурье, 2008. 375 с.
5. Колдаев В.М. Из истории практической криминалистики в России: применение научных методов работы в розыске и расследовании преступлений: факты, документы, комментарии. Москва: ЛексЭст, 2005. 373 с.
6. Курс лекций школы урядников полицейской стражи Минской губернии. Минск, 1914. 273 с.
7. История полиции дореволюционной России: сборник документов и материалов по истории государства и права: учебное пособие. Москва: Московская высшая школа милиции МВД СССР, 1981. 94 с.
8. История органов внутренних дел дореволюционной России / Ю.А. Артамонов, А.Е. Епифанов, И.А. Калиниченко [и др.]. Третье издание, переработанное и дополненное. Москва: ООО «Издательство «Юнити-Дана», 2025. 351 с. ISBN 978-5-238-04060-8. – EDN WOPGGU.
9. Епифанов А.Е. Организация и деятельность Министерства внутренних дел Российской империи в 1880-1905 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 135-141.
10. История органов внутренних дел дореволюционной России [учебное пособие: для вузов по направлению подготовки «Юриспруденция» / Н.В. Михайлова, А.Н. Никитин, А.Е. Епифанов и др.] ; под редакцией Н.В. Михайловой, А.Н. Никитина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 335 с.
11. История государственного управления в России: учебное пособие / А.И. Клименко, Н.В. Михайлова, А.Е. Епифанов [и др.]. Третье издание, переработанное и дополненное. Москва: ООО «Издательство «Юнити-Дана», 2025. 223 с. ISBN 978-5-238-04052-3. EDN PUIKAV.
12. Михайлова Н.В., Клименко А.И., Пашенцев Д.А., Шагиева Р.В., Аливердиева М.А., Артамонов Ю.А., Артеменков М.Н., Белоновский В.Н., Вагапов М.А., Епифанов А.Е., Курскова Г.Ю., Мазуров И.И., Матиенко Т.Л., Медушевская Н.Ф., Орлов С.В., Попов В.И., Сатушиева Л.Х., Ситников К.А., Смирнов С.Н., Эриашвили Н.Д. и др. История отечественного государства и права: учебник. (Пятое издание, переработанное и дополненное). Москва: ООО «Издательство «Юнити-Дана», 2025. 479 с.
13. Шахкелдов Ф.Г. Презумпции, аксиомы и гипотезы в праве // Теория и практика общественного развития. 2005. № 3. С. 54-56.

Информация об авторе
Епифанов Александр Егорович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России

REFERENCES

1. Andrianov, S.A. (1902). Ministry of Internal Affairs: a historical sketch (1802-1902). St. Petersburg, 225. (In Russ.)
2. Varadinov, N.N. (1858). History of the Ministry of Internal Affairs. Part 1. St. Petersburg, 312. (In Russ.)
3. Epifanov, A.E. (2023). From the history of the organization and activities of the general police of the Russian Empire at the turn of the 19th-20th centuries (based on materials from the Lower Volga Region). Bulletin of Economic Security, 2, 59-64. (In Russ.)
4. Zharov, S.N. (2008). History of operational-search activity and its legal regulation in Russia (11th – early 20th centuries): monograph. Chelyabinsk: Tatiana Lurie Publishing House, 375. (In Russ.)
5. Koldaev, V.M. (2005). From the history of practical criminalistics in Russia: application of scientific methods in crime detection and investigation: facts, documents, commentaries. Moscow: LexEst, 373. (In Russ.)
6. Course of lectures of the school of police sergeants of the Minsk province. (1914). Minsk, 273. (In Russ.)
7. History of the police of pre-revolutionary Russia: collection of documents and materials on the history of state and law: textbook. (1981). Moscow: Moscow Higher School of Militia of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 94. (In Russ.)
8. Artamonov, Yu.A., Epifanov, A.E., Kalinichenko, I.A., Klimenko, A.I., Popov, V.I., Sitnikov, K.A., Fedneva, N.L. (2025). History of internal affairs bodies of pre-revolutionary Russia. Textbook. (Third edition, revised and supplemented). Moscow: Publishing House "Unity-Dana", 351. (In Russ.)
9. Epifanov, A.E. (2021). Organization and activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in 1880-1905. Bulletin of the Vladimir Law Institute, 1(58), 135-141. (In Russ.)
10. Epifanov, A.E., Mikhailova, N.V., Nikitin, A.N., Kalinichenko, I.A., Fedneva, N.L., Abramova, N.V., Eriashvili, N.D. (2023). History of internal affairs bodies of pre-revolutionary Russia: textbook for university students studying in the field of training "Jurisprudence". Ed. by N.V. Mikhailova, A.N. Nikitin. Moscow: Publishing House "Unity-Dana", 335. (In Russ.)

11. Klimenko, A.I., Mikhailova, N.V., Epifanov, A.E., Chikhladze, L.T., Shagieva, R.V., Artamonov, Yu.A., Artemenkov, M.N., Satushieva, L.Kh., Sitnikov, K.A., Sultanova, S.M., Eriashvili, N.D., Mulukaev, R.S. (2025). History of public administration in Russia: textbook for university students studying in the specialty "State and Municipal Management". 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Publishing House "Unity-Dana", 223. (In Russ.)
12. Mikhailova, N.V., Klimenko, A.I., Pashentsev, D.A., Shagieva, R.V., Aliverdieva, M.A., Artamonov, Yu.A., Artemenkov, M.N., Belonovsky, V.N., Vagapov, M.A., Epifanov, A.E., Kurskova, G.Yu., Mazurov, I.I., Matienko, T.L., Medushevskaya, N.F., Orlov, S.V., Popov, V.I., Satushieva, L.Kh., Sitnikov, K.A., Smirnov, S.N., Eriashvili, N.D. et al. (2025). History of the Russian state and law. Textbook (Fifth edition, revised and supplemented). Moscow: Publishing House "Unity-Dana", 479. (In Russ.)
13. Shakhkeldov, F.G. (2005). Presumptions, axioms and hypotheses in law. Theory and Practice of Social Development, 3, 54-56. (In Russ.).

Information about the author
Aleksandr E. Epifanov – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department for the Study of The Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Centre of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Автор заявляет, что генеративные модели искусственного интеллекта не применялись при подготовке данной рукописи.
The author declares that no generative AI models were used in the preparation of this manuscript.

Поступила в редакцию (Reserved) 28.02.2026
Поступила после рецензирования 18.03.2026
Принята к публикации (Accepted) 13.05.2026